

ОБЗОРЫ

© Власенко Р. Я., Лосева Т.Н., 2014

УДК 612:159.9

посвящается профессору Белову А.Ф.

**РИСК КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА**

Р.Я. Власенко¹, Т.Н. Лосева²

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,

г. Великий Новгород (1)

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский институт нормальной физиологии имени П.К.Анохина» РАМН, г. Москва (2)

В статье обсуждаются различные теоретические подходы в изучении рискованного поведения, а также предпринимается попытка рассмотреть феномен риска с позиций общей теории функциональных систем академика П.К. Анохина. Приведены теоретические положения, доказывающие возможную аддиктивную природу активности, связанной с риском. Предполагается, что готовность к риску представляет собой особое специфическое мотивационное состояние, в условиях неопределенности интегрированное в функциональную систему. Риск рассматривается как самостоятельный компонент системной организации целенаправленного поведения субъекта.

Ключевые слова: риск, доминирующая мотивация, целенаправленное поведение.

Исследование природы рискованного поведения человека имеет давнюю историю и носит междисциплинарный характер. Феномен риска рассматривается в различных аспектах в психологии [9, 13, 14, 15], социологии [16], экономике [10, 17], философии [1, 5], что обуславливает отсутствие единой концепции этого явления. На наш взгляд одним из приоритетных направлений научных исследований в этой области может явиться физиологический анализ риска как самостоятельного компонента системной организации целенаправленной деятельности субъекта. Возникновение риска как такового всегда связано с наличием неопределенности в поведении (множеством степеней свободы), причем его можно рассматривать как альтернативный, возникающий спонтанно способ устранения этой неопределенности. Согласно учению академика П.К. Анохина системообразующим фактором функциональной системы любого уровня

является полезный приспособительный результат деятельности, который можно было бы качественно и количественно оценить [2]. Вероятность достижения такого промежуточного или конечного результата целенаправленной деятельности оценивается субъектом в ситуации выбора, где риск может играть ключевую роль. Вместе с тем, само понятие “неопределенность” следует четко отделять от понятия “риск”: неопределенность может быть объективна (по отношению к субъекту) и субъективна (связана с наличием у субъекта информации о возможности удовлетворения потребности в данный момент времени) [10]. Риск всегда сопряжен с оценкой ситуации, а значит, его можно измерить (оценить). Риск позволяет вероятно предсказать исход конкретной ситуации, в которой оказывается субъект и риск обладает свойством измеримости [16], выполняя стимулирующую, аналитическую, инновационную, регули-

рующую и защитную функции [5, 9]. С одной стороны неопределенность побуждает субъекта к действию в ситуации выбора, с другой – риск, являясь логическим итогом принятия решения, предоставляет субъекту возможность оценить полезность (опасность) этого выбора. Пытаясь устранить рискованную ситуацию, субъект делает выбор (принимает решение) и затем реализует его в поведенческом акте с последующей субъективной оценкой достигнутого результата [1, 3]. В своих работах А. П. Альгин [1] определяет риск «... как деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели». Именно такое определение риска, на наш взгляд, представляется наиболее корректным и выдержанным, хотя, и не претендующим на полноту.

Основные направления исследований риска. Существует множество подходов в изучении феномена риска: философский [5], когда предлагается единая парадигма риска с универсальным понятийным аппаратом, выходящим за рамки отдельных дисциплин; социологические подходы [1, 16], связанные с анализом нежелательных последствий риска для отдельных социальных групп. К социальной сфере относятся также экономические и политические риски, основной целью которых является минимизировать ущерб и получить максимальную финансовую прибыль или политический капитал [5, 16, 17].

В современной психологии риск рассматривается как компонент деятельности субъекта в ситуации неопределенности с возможными неблагоприятными последствиями в случае неудачи. Наиболее подробно проблематика риска рассматривается психологами в рамках концепции принятия решений [1, 9, 14]. Авторы [13, 11] говорят о возможности измерения *готовности к риску* наряду с другими характеристиками личности, в

частности, способности субъекта достигать поставленных целей и регулировать свои познавательные и поведенческие стратегии. Для некоторых субъектов переживание опасности (ситуация выбора, неопределенности) само по себе является жизненной потребностью, они находят смысл сначала в стремлении к ней, а затем в ее преодолении. Ряд психологических исследований направлен непосредственно на изучение механизмов восприятия оценки риска [9], другие стремятся характеризовать склонность к риску как самостоятельную черту личности [1, 15, 18], изучать особенности предпочтений уровня риска при выборе решений [11, 13, 14].

Неосознанная готовность (*потребность*) к тем или иным формам активности в ситуации неопределенности, по видимому, отражает готовность к риску, в то же время, когда риск определен, осознан и предопределен, возникает *доминирующая мотивация*, а вероятность достижения конкретной цели максимальна. Результативность реализации принятых решений при этом зависит не только от самой ситуации, но и от способа их принятия, а также от других личностных качеств субъекта.

Отдельного внимания заслуживает модель риска Аткинсона [15], согласно которой «...сила тенденции к достижению при выполнении определенной задачи – это функция от мотива достижения, ожидания или вероятности успеха и побудительной ценности успеха, где побудительная ценность успеха определяется как единица минус вероятность успеха». Таким образом, ценность успеха прямо пропорциональна трудности его достижения, однако данная модель позволяет успешно прогнозировать выбор только у субъектов с ярко выраженной мотивацией достижения. В работах Макклелланда [15] было показано, что лица с выраженной потребностью во власти чаще принимали наиболее рискованные решения, остальные респонденты (с высокой мотивацией достижения) предпочитали умеренный риск. Стоит отметить также, что в происхождении многих мотивов, в том

числе и мотива достижения, лежит естественный мотив новизны (ориентировочно-исследовательская активность). Можно предположить связь процессов, лежащих в основе стремления к получению нового опыта с процессами инициации рискованного поведения, поскольку новизна способна усилить эмоциональное переживание и повысить вероятность достижения наилучшего результата.

Особым направлением в изучении психологии риска можно считать исследование отличительных черт группового риска. В процессе группового выбора, по сравнению с индивидуальным принятием решения, наиболее высока вероятность его осуществления, поскольку наблюдается феномен сдвига риска (или сдвига к риску), при этом, уровень рискованности в группе существенно возрастает [1]. Попытки объяснить данный феномен были предприняты в целом ряде гипотез: гипотеза диффузии (когда ответственность за принятые рискованные решения уменьшается и разделяется между членами группы); гипотеза лидерства (степень группового риска является результатом влияния лидера группы, как правило, наиболее склонного к риску); гипотеза ознакомления (сдвиг риска – не продукт групповой дискуссии, а результат рискованности, проявляющейся в процессе изучения ситуации); гипотеза полезности (субъективное значение ценности риска в группе растет по мере дискуссии); гипотеза риска как ценности (субъекты (даже “осторожные”) начинают ценить риск и принимают более рискованные решения с целью повышения своего статуса в группе). Важными условиями возникновения сдвига к риску являются продолжительность дискуссии, состав группы (по гендерному признаку), а также ее численность [9].

В то же время, в физиологии поведенческие акты с элементами риска рассматриваются в рамках “... вероятностного прогнозирования целенаправленного поведения (животных) в новых условиях, а также при искусственных препятствиях к удовлетворению ведущих доминирующих потребностей ...” академик П.К. Анохин [3].

Физиологами проводятся исследования, нацеленные на поиск коррелятов объективных показателей состояния вегетативных функций и их взаимосвязь с психологическими коррелятами, такими как склонность субъектов к риску [6]. Так, было показано [6], что динамика спектральных показателей variability сердечного ритма (BCP) имеет прогностическую значимость в отношении индивидуального риска, определенного по структурно-динамическим характеристикам личности.

В наших собственных экспериментах [4] было обнаружено, что у спортсменов со средним уровнем готовности к риску достоверно снижаются абсолютные значения мощности сверхвысокочастотного компонента спектра BCP (VLF) после выполнения ими стандартного нагрузочного теста PWC_{170} , тогда как у спортсменов с высокой готовностью к риску вклад VLF спектра значительно выше. Изменения других показателей BCP также специфически отличались у испытуемых с различной готовностью к риску, причем максимальный уровень общей физической работоспособности был обнаружен в тесте PWC_{170} у субъектов со средним уровнем готовности к риску [4].

Спонтанная активность и риск.

Риск можно представить также как разновидность спонтанного поведения. “Спонтанность предполагает наличие на выходе системы таких изменений, для которых не известны соответствующие изменения на входе, –” Р. Хайнд [21]. Такая активность слабо связана с модуляцией воздействий ситуационных факторов (обстановочная афферентация относительно стабильна), редко реакция возникает вовсе без всякого воздействия и представляет собой “активность вхолостую” [24]. У различных видов животных исследовали спонтанные ритмы в поведении, характеризующиеся периодичностью [21].

Спонтанность или импульсивность в поведении человека является личностной характеристикой [9] и заключается в устойчивой склонности субъекта действовать под влиянием эмоций или ситуации. Именно необдуманность своих поступков

и приводит индивида к проявлениям риска. В конфликтных ситуациях (угроза, опасность) риск может выступать как самостоятельный мотив деятельности – “риск ради риска” [1, 18]. Подобного рода активность рассматривается как “надситуативный” риск [18], такой риск не зависит от внешних посторонних мотивов. Субъект, при этом, ставит избыточные цели по отношению к решению исходной задачи и находится как бы над теми требованиями, которые предъявляет сложившаяся ситуация. Было показано [18], что имеется связь между профессиями испытуемых и тенденцией к “надситуативному” риску, причем, оказываясь в ситуации опасности, склонность к риску у таких субъектов возрастает. В таком контексте риск сам является личностной ценностью, хотя внешние его проявления выглядят как немотивированные. “Субъект может делать не то, что он думает, – ” пишет классик психологии Жан Пиаже [7].

Зачастую в ситуации неопределенности человеку приходится оперативно совершать выбор, при этом такой чертой личности, которая характеризует быстроту принятия решения, является решительность [8]. Отличным от этого состояния является решимость, относящаяся к числу стремлений, направленных на устранение напряжения, связанного с потребностью выбора. А.А. Ухтомский рассматривал подобное явление как состояние оперативного покоя [20]. В подобных случаях цель поведения имеет не только содержательную составляющую (чего хочу), но и качественную или уровневую (высокий или низкий результат), тогда выбор начинает определяться уровнем притязаний конкретной личности [8]. Характеризуя поведение человека, А.А. Ухтомский [20] пишет: “Наша организация принципиально рассчитана на постоянное движение, на динамику, на постоянные пробы и построение проектов, а также на постоянную проверку, разочарование и ошибки. И, с этой точки зрения, можно сказать, что ошибка составляет вполне нормальное место именно в высшей нервной деятельности. “Волков бояться, в лес не ходить.”

Говоря другими словами, невозможно жить, совершать поступки, принимать решения и не рисковать! Существование спонтанного “надситуативного” риска, таким образом, вписывается в контекст фундаментального учения А.А. Ухтомского о доминанте [20], в котором последняя представляет собой “инструмент двоякого действия” и с одной стороны ведет к “неизбежной односторонности в работе центров”, а с другой – “к самоподкреплению текущей реакции” (курсив наш).

Риск и агрессия. К агрессии относятся самые разнообразные формы поведения животных и человека. В психологии агрессивное поведение рассматривают следующие теории: теория влечений, где агрессия выступает как устойчивая личностная характеристика [24]; фрустрационная теория, согласно которой агрессия есть следствие препятствий, возникающих в процессе целенаправленной деятельности субъекта [23]; теория социального научения – с ее точки зрения мотив отождествляется с целью и субъекта привлекают последствия агрессивного поступка [22]. По мнению Е. П. Ильина [8] все эти концепции рассматривают только отдельные аспекты феномена агрессивного поведения и недостаточно полно описывают мотивацию такого рода активности. Агрессия проявляется в конфликтной ситуации или ситуации фрустрации, у субъекта возникает потребность устранить эмоциональное напряжение, что ведет к принятию решения о достижении намеченной цели, формируется мотив агрессивного поведения [8]. На конечной стадии такого поведения у человека реализуется конкретное агрессивное действие в отношении того или иного объекта, принимается решение к осуществлению этого действия. Такое решение может носить рискованный характер и угрожать не только объекту, на который направлено воздействие, но и самому индивиду. В отдельных случаях человек готов идти на риск, не надеясь на какие-либо положительные результаты – “бескорыстный” риск [18]. “Жажда острых ощущений” может сопровождаться агрессией, порой

даже не мотивированной самостоятельно. Мотивация агрессии, по-видимому, имеет врожденный компонент и инициируется в ситуации эмоционального конфликта (например, фрустрации) порой спонтанно. Отдельные ее формы приобретают гипертрофированный характер и теряют свое биологическое значение и смысл (например, агрессивное поведение бойцовых собак) поскольку не несут пользы ни для конкретной особи, ни для отдельного вида — агрессия генерализуется и становится приоритетной мотивацией, связанной с подавлением нормальных форм поведения.

В животном мире агрессия по отношению к другой особи сопровождается риском собственных повреждений [21]. Агрессивное поведение часто возникает как одна из реакций в ситуациях фрустрации. При определенных обстоятельствах инстинктивное действие может “прорваться” безо всякого внешнего стимула [24]. В тех случаях, когда стимул присутствует, он может выполнять роль разряжающего (пускового) фактора и активировать спонтанную агрессивную реакцию на фоне иногда длительного “накопления инстинкта” [24] по мере возрастания готовности к рискованной реакции. Таким образом, агрессивное поведение представляет собой различные формы соперничества (в группе) или самоутверждения (индивидуальная активность), которые возникают в ситуации конфликта, неопределенности или борьбы мотивов.

Однако, показано [15], что агрессия может возникать и вне фрустрационного конфликта и принимать изощренные формы, связанные с «соревновательной» деятельностью субъекта (например, спортивной). Лица с выраженной потребностью во власти чаще остальных испытывали побуждение к агрессии, чувство гнева, но были в состоянии контролировать свое поведение [15].

Риск и доминирующая мотивация. “Доминирующая в данный момент мотивация представляет собой фильтр, по которому классифицируется избыточная внешняя информация, —” писал академик П.К. Анохин [3]. Такое активное состоя-

ние центральной нервной системы и в целом организма осуществляет своего рода “перебор информации” [3] и определяет последующую активность целенаправленного поведения. Любая мотивация [19] “заряжает” организм, направляя его поведение на удовлетворение насущной потребности. Началом активности любой степени сложности является афферентный синтез [3, 19], принципиальное значение которого состоит в том, что происходит избирательное “взаимодействие возбуждений” на уровне отдельных нейронов, первично возникающее на основе гомеостатических изменений в организме. При наличии одновременно нескольких потребностей, мотивационное возбуждение формируется по принципу доминанты, что предопределяет приоритеты реализации тех или иных поведенческих актов [20]. Академик П. К. Анохин писал: “Секрет формирования цели к получению любого результата лежит именно здесь в стадии афферентного синтеза” [2]. Мотивационное состояние чаще имеет субъективную отрицательную эмоциональную оценку, однако, по мере накопления индивидуального опыта удовлетворения потребности у субъекта может сформироваться своего рода эмоциональный “аппетит”, связанный с эмоционально позитивным предвкушением разрешения конфликтной ситуации. Действительно, человек в своей профессиональной деятельности довольно часто сталкивается с подобными ситуациями, когда необходимо достигать определенной цели, результат которой должен соответствовать конкретным качественным или количественным параметрам. Речь идет о так называемых ситуациях достижения [1], поведением в которых движет *мотивация достижения успеха*. В целом деятельность личности, находящейся в подобной ситуации, может быть связана с двумя противоположными тенденциями в поведении: либо желанием достичь успеха, либо стремлением избегания неудач. Соответственно субъекты, нацеленные на достижение успеха (максимального результата), будут склонны рисковать и ре-

шать наиболее сложные задачи даже в тех условиях, когда вероятность достижения поставленной цели не высока. Напротив, “осторожные” лица будут проявлять низкую склонность к риску или вовсе изберут стратегию его полного избегания, и поэтому никогда не возьмутся за решение сложных задач, боясь неудачи.

Далее возникает целый ряд вопросов: риск это самостоятельная естественная мотивация человека, либо он является компонентом мотивации достижения успеха? С другой стороны существуют предпосылки, позволяющие считать риск одной из форм (мотиваций) аддиктивного поведения. Объективные признаки биологических мотиваций и аддикций в целом схожи [12]. Они обладают высоким энергетическим “зарядом” [19], имеют направляющий (целевой) компонент, обладают способностью доминировать [20], а вместе с ним и свойством подавлять другие мотивационные состояния, для них характерна пластичность [12] и ряд других признаков.

Полагаем, такая аддиктивная форма рискованной активности (“риск ради риска”) возможна, поскольку она формируется по принципу доминанты и может приобретать самостоятельность, автономность и способность к самоусилению [20]. Психологами такой риск определяется как *немотивированный* [9], возникающий в процессе творческой активности, так называемый “бескорыстный” риск [18]. По-видимому, такая *немотивированность* и *бескорыстность* трактуются подобным образом лишь наблюдателем поведения, другого субъекта. Такое поведение вполне может иметь (и наверняка имеет) эмоциональное подкрепление, что также характерно и для отдельных форм аддиктивного поведения [12]. Предполагается [12], что не адаптивный результат деятельности, на который мотивирован субъект, а непосредственно эмоциональное переживание его достижения само по себе имеет подкрепляющее значение. Таким образом, речь идет о механизмах нового мотивогенеза (в том числе, возможно и мотивогенеза риска), инициатором которого становится кон-

фликт, возникающий при реализации предыдущей (внешне заметной и логичной с точки зрения наблюдателя) доминирующей мотивации. Такая трансформация поведения не может быть случайной, она имеет в своей основе вполне конкретные нейрофизиологические и нейрохимические процессы, затрагивающие перестройку модулирующей активности “пейсмееров” биологических мотиваций [12].

Риск и принятие решения. Принятие решения — есть “промежуточный, критический” и “в высшей степени конденсированный” процесс [2], являющийся результатом афферентного синтеза, возникающего на основе доминирующей мотивации. Ситуация неопределенности может носить “закономерный” или “случайный” характер [1], в первом случае процесс принятия решений связан с конфликтом, во втором — с риском. В любом случае, когда субъект стоит перед неизбежным выбором одной единственной стратегии поведения из многих альтернативных “... центральная нервная система претерпевает в этот момент специфическое состояние” [2]. Академик П.К. Анохин выделял несколько объективных признаков принятия решения: наличие ситуации выбора; соотношение многочисленной афферентной информации и конкретных эфферентных возбуждений. До тех пор, пока конечный результат поведения не достигнут, еще существует неопределенность ситуации, а, следовательно, риск имеет место не только на стадии принятия решения, но и в процессе его реализации до полного устранения неопределенности в конкретной ситуации [1]. В рамках теории функционально-уровневой регуляции принятия решений [14] субъект принимает (либо не принимает) решение делать выбор в условиях риска на основе свойств конкретной ситуации, а также с учетом личностных мотивационных предпосылок. Таким образом, готовность к риску можно рассматривать как личностную мотивационную диспозицию субъекта оказавшегося в ситуации выбора в процессе осмысления последствий и последующей реализации

принятого решения в действии. Феномен принятия решения — универсален [2], поскольку реализуется не только на уровне поведения, но и при осуществлении вегетативных функций. Принятие решения избавляет субъекта от излишнего “количества степеней свободы”, что в итоге сопровождается формированием конкретных “эфферентных возбуждений” носящих адаптивный характер [2, 3] и отраженных в будущем результате поведения. Мы можем предположить, что актуальной физиологической задачей является оценка и последующий анализ функциональных параметров рискованного поведения, как в процессе принятия решения, так и на исполнительном этапе поведенческого акта.

Заключение

Все компоненты функциональной системы поведенческого акта взаимно интегрированы и не являются абсолютно самостоятельными и изолированными. Доминирующая мотивация, аппарат памяти, принятие решения объединены, а риск, представляет собой специфический компонент поведения, который проявляется в условиях неопределенности достижения цели. Он проявляется как самостоятельная форма поведенческой активности субъекта, а сопряженные с риском изменения физиологических функций и их иерархическая организация имеют адаптивный характер. Риск детерминирован не только ситуативными факторами, но и во многом предопределен эндогенно-индуцированным паттерном поведения, проявляемого как в границах мотивационно-эмоционального оптимума субъекта, так и при воздействии на него факторов внешней среды.

Литература

1. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни / А.П. Альгин. — М.: Мысль, 1989. — 187 с.
2. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса / П.К. Анохин. — М.: Медицина, 1968. — 548 с.
3. Анохин П.К. Избранные труды. Системные механизмы высшей нервной деятельности / П.К. Анохин. — М.: Наука, 1979. — 453 с.
4. Власенко Р.Я. Особенности вегетативной регуляции ритма сердца у спортсменов с различной готовностью к риску / Р.Я. Власенко, А.В. Котов // Вестник НовГУ. Серия: Медицинские науки. — 2013. — Т. 1, № 71. — С. 123-126.
5. Диев В.С. Философская парадигма риска / В.С. Диев // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. — 2008. — № 12. — С. 27-38.
6. Евдокимов А.Г. Физиологические критерии склонности к рискованному поведению у лиц молодого возраста: автореф. дис. канд. мед. наук / А.Г. Евдокимов. — Волгоград, 2010. — 22 с.
7. Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: сб. статей / сост. и общ. ред. Л.Ф. Обуховой и Г.В. Бурменской. — М.: Гардарики, 2001. — 627 с.
8. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2011. — 512 с.
9. Ильин Е.П. Психология риска / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2012. — 288 с.
10. Капралин С.Г. Дифференциация взглядов на дефиниции «риск» и «неопределенность» / С.Г. Капралин // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 2 (22). — С. 33-39.
11. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений / Ю. Козелецкий — М.: Прогресс, 1979. — 502 с.
12. Котов А.В. Две биологические модели зависимого поведения (теоретико-экспериментальное обоснование) / А.В. Котов // Эксперим. и теоретич. наркология. — 2003. — № 8. — С. 5-13.
13. Корнилова Т.В. Диагностика мотивации и готовности к риску / Т.В. Корнилова. — М.: Институт психологии РАН, 1997. — 232 с.
14. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений: учебное пособие для вузов / Т.В. Корнилова. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 286 с.
15. Макклелланд Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. — СПб.: Питер, 2007. — 672 с.

16. Матвиенко Ю.И. Современные подходы к изучению риска / Ю.И. Матвиенко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1-1. – С. 165-173.
17. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф.Х. Найт. – М.: Дело, 2003. – 360 с.
18. Петровский В.А. Активность субъекта в условиях риска: автореф. дис. канд. психол. наук / В.А. Петровский. – М., 1977. – 18 с.
19. Судаков К.В. Избранные труды / К.В. Судаков. – М.: НИИ нормальной физиологии им. П.К. Анохина РАМН, 2008. – Т. 2: Системные механизмы доминирующей мотивации. – 484 с.
20. Ухтомский А.А. Доминанта / А.А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
21. Хайнд Р. Поведение животных / Р. Хайнд. – М.: Мир, 1975. – 856 с.
22. Bandura A. Social cognitive theory in cultural context / A. Bandura // Applied Psychology: An International Review. – 2002. – № 151. – P. 269-290.
23. Dollard J. Frustration and Aggression / J. Dollard. – Westport (Connecticut): Greenwood Publishing Group, 1980. – 209 p.
24. Lorenz K. Der Kumpan in der Umwelt des Vogels / K. Lorenz // J. f. Ornith. – 1935. – № 83. – P. 137-213; 289-413.

RISK AS SYSTEM ORGANIZATION INDEPENDENT COMPONENT OF AN INDIVIDUAL PURPOSEFUL ACTIVITY

R.Ya. Vlasenko¹, T.N. Loseva²

In the article various theoretical approaches in studying risk behavior are discussed, and also the attempt to consider the phenomenon of risk according to the general theory of the functional systems of academician P. K. Anokhin is made. The theoretical statements proving the possible addictive nature of the activity associated with risk are given. It is supposed that the readiness for the risk represents a particular specific motivational condition which, under the terms of uncertainty, is integrated into a functional system. The risk is considered as the independent component of the system organization of an individual purposeful behavior.

Keywords: the risk, dominating motivation, purposeful behavior.

Власенко Р.Я. – канд. мед. наук, доц., кафедра нормальной физиологии, институт медицинского образования, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. 173020, г. Великий Новгород, ул. Державина, д. 6.
E-mail: romex@mail.ru.

Лосева Т.Н. – канд. мед. наук, вед. науч. сотрудник, лаборатория физиологии мотиваций, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский институт нормальной физиологии имени П.К. Анохина» РАМН, г. Москва. 125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 8.
E-mail: lab_motiv@mail.ru.